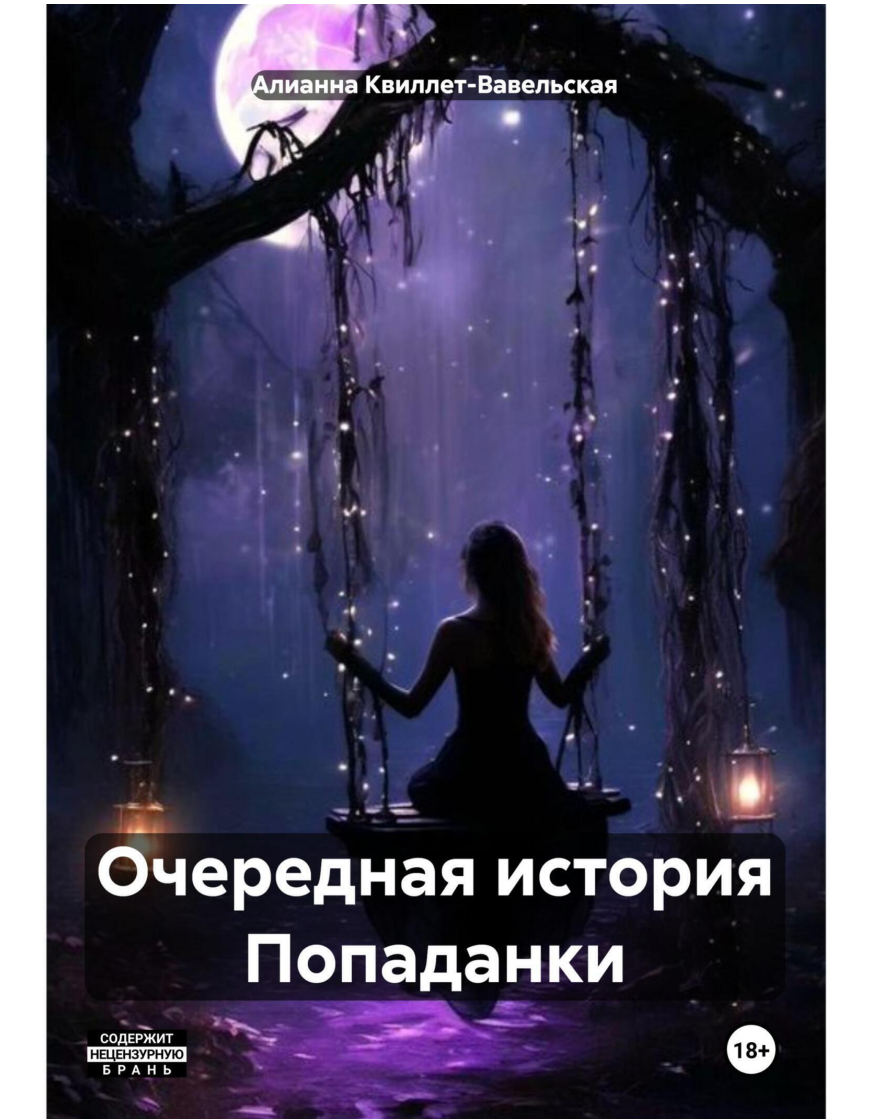

A woman with long hair is seen from behind, sitting on a swing. The swing is suspended from a large, gnarled tree branch. The swing's ropes are decorated with small, warm white lights. The background is a dark, misty forest at night, illuminated by a large, glowing full moon in the upper left. The ground is covered in a layer of fallen leaves and small lights. Two lanterns are visible on the ground, one on the left and one on the right, casting a warm glow. The overall atmosphere is magical and mysterious.

Алианна Квиллет-Вавельская

Очередная история Попаданки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алианна Квиллет-Вавельская

Очередная история Попаданки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71523484

SelfPub; 2024

Аннотация

Кто может знать, как повернётся жизнь в неполные двадцать лет? Не попадешь ли ты завтра под машину или доживёшь до девяноста лет?

Будешь ли счастлива или всю жизнь будешь тянуть тяжёлый жребий мученика и неудачника?

Когда жизнь преподносит неприятные сюрпризы, спасёт ли вера? Услышит ли Бог, Вселенная? Ау? Есть кто?

А если взять всё в свои руки? Попробуй и узнаешь.

Выбор есть всегда.

Звездочки и комменты будут очень-очень приятны музе и автору.♥#

Книга официально завершена.

Бонус в конце приятный сюрприз от автора и муза.

Алианна Квиллет- Вавельская Очередная история Попаданки

Очередная история попаданки.

Пролог.

– Отойди от меня... – процедила я в лицо, прижимавшееся ко мне в порыве неконтролируемой страсти и ярости г... Антона.

– Ты. Моя. Невеста! – цедит он, выделяя каждое слово, удерживая мое лицо грубым захватом ладони, а второй рукой пытается задрать моё вечернее платье в пол.

– Невеста, не жена! – пытаюсь придать голосу побольше жёсткости, – я разорву эту чертову помолвку, пусть отец сам выходит за тебя, раз ему так нужны активы твоей семьи!

Голос срывается, страх заползает во все клеточки моего тела и разума. Мои трепыхания только заводят ещё больше этого поганого извращенца. Если бы полгода назад я знала, с кем решит связать мою жизнь отец, лучше бы осталась в Корее и вышла замуж там.

Но отца я любила и уважала. И когда он позвонил среди ночи и, со слезами в голосе, рассказал, что его бизнес почти

рухнул в одночасье и спасти от краха может только мой брак с сыном его давнего друга, я ни секунды не раздумывая, кинулась в аэропорт, бросив учебу в университете Инчхона, даже вещи оставила в квартирке. Только записку хозяйке оставила с деньгами на пару лет, вдруг вернусь, и адресом, куда выслать вещи, если не вернусь.

Антон был мил и чрезвычайно галантен. Поначалу. Ровно до того момента, пока не выпил в первый раз при мне. Шёл пятый месяц нашей помолвки, и мы были приглашены на вечеринку его друзей в загородный дом. В силу возраста, а мне всего двадцать, я ещё и не знала особо мужчин, да и не торопилась с этим, наивно полагая, что жених тоже ждёт свадьбы, чтобы первая брачная ночь стала для нас волшебной. Но при этом девочкой я уже не была.

В ту ночь я рано ушла спать в гостевую спальню. И когда ночью проснулась от того, что меня что-то придавило и стало трудно дышать, а по телу шарили беспорядочно руками, причиняя не только дискомфорт, но и боль, меня накрыла паника. Я не сразу сообразила, что происходит.

В ту ночь Антон не получил от меня ничего, кроме сломанного носа и побитого самолюбия. За что затаил обиду. И теперь, на очередном празднике, устроенном его родителем, решил предъявить мне, что я ему должна...

– Ещё раз повторяю. От—пус—ти, – по слогам выдавила из себя, стараясь не паниковать и не скатываться в истерику, ведь его действия от раза к разу становились только ярост-

нее.

– Арья, не беси меня, сука! – его тихий рык поднимает волосы на моём теле дыбом. – Я... всё равно... трахну тебя... до свадьбы, – делает многозначительные паузы, зараза, смакуя каждое слово, сказанное мне в лицо и перемежая их с влажными поцелуями. Антон крепко держит одной рукой за шею, второй шарит по оголенной ноге и облизывает мимолетно кожу на шее и мочку уха.

Гад. Сволочь. А чёртово тело всё равно отзывается на эти поганые ласки. Как бы вырваться? И не только из этих мерзких рук, но и из этой чёртовой каббалы... Ведь Максим Артурович уже вложился в бизнес отца, а значит, я не смогу отвертеться...

– Даааа, какая же ты сладкая... Уже потекла... а так сопротивлялась, – вибрирующим голосом тихо посмеивается Антон, продолжая удерживать меня за шею одной рукой, и фиксируя ею же мою голову. Вторая его рука беспрепятственно пробирается в трусики и тут меня накрывает волной жутчайшей истерики.

Громкий вопль разрезает пространство и, откуда—то взяв силы, толкаю Антона обеими руками так, что он отлетает от меня и приземляется в паре метров на свою подтянутую задницу, ещё и приложившись о стоящий рядом стул.

– С—сссукааа... У—бь—ююю, – воет он, и пытается встать.

Ждать я не стала, когда он снова меня схватит. Знаю, ес-

ли догонит, то целой я вряд ли останусь. Да и одним изнасилованием не отделаюсь. Поэтому срываюсь с места и бегу в сторону входной двери. Я успеваю буквально за долю секунды до того, как Антон пытается схватить меня за волосы, выскочить за дверь и броситься к дороге. Там, на противоположной стороне, стоит машина Максима Артуровича, а он, я знаю, никогда не вынимает ключи из зажигания.

Я не успеваю добежать, останавливаюсь посреди дороги, потому что справа меня пугает звук клаксона и яркий свет ослепляет. Пытаясь закрыться, я не сразу понимаю, что это машина летит на меня и водитель не успеет затормозить.

– АРЬЯ! – последнее, что я слышу, перед ударом, от которого меня отбрасывает в сторону сломанной куклой.

Да..., мне очень больно, и я... всё ещё в сознании. Чёрт, как же больно. Пытаюсь сказать что-то, но выходит только бульканье. Кажется, это конец.

– Нет, нет, нет! Держись, – это Антон. Неужели на его лице испуг и в голосе странная паника и... нежность? – алло, скорая....

– Господи, – мысленно обращаюсь я, – пожалуйста, не дай им меня спасти! Можно мне просто уйти?

«Конечно, милая... Спи...»

Это последнее, что я слышу, прежде чем мои глаза закроются навсегда.

В этом мире.

Открыть глаза было трудно, очень хотелось спать и не шевелиться. Простонав что-то нечленораздельное, с трудом заставила себя повернуть голову и приоткрыть один глаз. Справа показался небольшой источник света. Окно. Портьеры? Дорогие портьеры? Хм.

Так, я не в больнице, судя по красному цвету оконных штор. Но и в доме Антона таких нет. Кто-то из соседей к себе затащил?

Попробовала пошевелить губами и языком. Было ощущение, что мне гадили в рот неделю, язык прилип к нёбу и не желал слушаться.

– О-ыыы, – то ли проскрипела, то ли просипела я подобно охрипшей вороне, – ейнь ы-о ы-ой?...

Отчаялась произнести ещё хоть звук и медленно повернула голову в другую сторону. О, вода. Надо только дотянуться до тумбочки и достать кувшин.

Что за слабость? Руки не поднимаются, даже тело на миллиметр не могу сдвинуть.

Ах, да. Меня же машина сбила. Как ещё жива осталась? Чудо, не иначе. Жаль только, что не радостно мне совсем.

Кое-как, спустя время и кучу попыток, перевалившись на

бок и подтягиваясь на руках, доползла до края кровати и потянулась к кувшину.

Как вдруг дверь, с тихим щелчком приоткрылась и в проёме показалась девушка в платье? Горничной?

Секундная заминка и она пулей вылетает из комнаты с криком:

– Госпожа очнулась, Госпожа очнулась! Лекаря!

Что ж ты так орёшь?.. Какой, к едрени Фени, лекарь? Врача мне...

Не оставляя попыток добраться до воды, я всё тянулась к тумбе, когда дверь широко распахнулась и на пороге комнаты появился чёртов Аполлон.

Могла бы, присвистнула б. Но всё, что мне удалось сделать, это ошарашенно уронить челюсть на пол, пару раз моргнуть и крякнуть.

– Налей госпоже воды, – не оборачиваясь, дал команду он девушке и она, подпрыгнув на месте, сразу засуежилась.

– Да, Господин. Конечно, Господин, – лепетала она, наливая воды в стакан и поднося его ко мне.

А я накинулась на воду так жадно, что подавилась и зашла в кашле умирающего туберкулёзника, аж слёзы брызнули из глаз. Твою ж...

– Кузьмич, похлопай, – сипло выдавила я, кашляя и задыхаясь.

Рядом слышала два хлопка и едва не рассмеялась, – спасибо, Кузьмич...

Две пары глаз смотрели на меня как на идиотку, а я сквозь боль и кашель уже еле держала накатывающие смешки.

Откашлявшись, я, всё же смогла успокоиться и вздохнуть полной грудью.

– Спасибо, что не дали умереть и спасли меня, – прошептала на грани слышимости.

– Не знаю, кто такой, Казымич, но – Пожалуйста, – произнёс мужчина и прошёл в комнату, направляясь к окну, – я открою шторы, темновато здесь, не находите?

– Можешь быть свободна, – повернувшись в сторону причитающей и хлопчущей девушки, коротко дал указание Аполлон.

Девчушка резво присела в подобии реверанса и скоро удалилась, прикрыв за собою дверь.

– А теперь, поговорим. Кто Вы и как здесь оказались? – он придвинул к изголовью кровати стул и присел на него, закинув ногу на ногу и задумчиво меня осматривая.

Это он МЕНЯ спрашивает? Хрен. Его. Знает. Не знаю, что там было на моем лице, но вслух я произнесла другое.

– Вы не поможете? Мне не удобно разговаривать лёжа, – я попыталась встать и подтянуть подушку повыше, но ничего не вышло.

Тогда мужчина вздохнул и поднялся, чтобы помочь мне. Он взбил подушку и подложил её под спину, подтянув и меня повыше за подмышки, как ребёнка.

– Так хорошо?

– Да, спасибо, – благодарно кивнула, смущаясь. Какой же он красивый, подумала я.

– Спасибо, Вы тоже красавица, каких поискать, – отрикошетил он мои мысли. ВСЛУХ! СТОП! Я, что это вслух сказала?

1.1.

– Да, и это тоже, – он явно смеялся надо мной, даже не скрывая улыбку. Смущаешь, Красавчик...

– Ладно, давайте для начала всё же познакомимся. Вы первая, – снова улыбнувшись, вернулся к разговору мужчины, усаживаясь обратно на стул.

А я задумалась и выдала самую нелепую, но высоко вероятную версию событий.

– Меня зовут Арья. И, кажется, я умерла, – лениво хлопая ресницами и уставившись в одну точку, выдала.

– Как Вы могли умереть, если сейчас находитесь здесь? – вкрадчиво и спокойно, слишком на мой взгляд, уточнил мой визави.

– Меня... машина сбила... – Спокойно, без каких—либо эмоций выдаю информацию.

– Машина? Здесь? На Астарте? Магмобиль, Вы имеете в виду? – делая многозначительные паузы, уточняет он каждое слово, но всё так же спокойно.

– Нет, машина, автомобиль. На Земле. – так же спокойно

уточняя и я.

– Арья? А вы знаете, что мы не на Земле? – опять спокойно так, буднично, будто и не о невозможном сейчас говорит. А я что? А я, похоже, под сильным успокоительным, потому что ни паники, ни истерики так и не видно на горизонте.

– Догадываюсь... я надеялась, что умру бесповоротно... – тихонечко бубню себе под нос, но Он услышал и удивился.

– Что? Почему? – о, дорогой, ты заинтересовался?

– Были причины желать этого. И я помню, как больно мне было, помню удар и что меня пытались спасти, но я просила Боженьку не дать им это сделать... – да что ж так буднично то я об этом говорю? Не иначе, успокоительное вкололи.

– Кого? – о—па, бровь приподнялась.

– Бога, и, наверное, Он меня услышал... – неразумный, всё тебе надо разжёвывать?

– Она, вы хотели сказать? – что за надменный взгляд в мою сторону?

– Нет, Он, – упрямо сдвинув брови, настаиваю. Что я, Боженьку нашего не знаю?

Но тут он немного мягче проговаривает и даже подаётся немного вперед, накрывая ладонью мою руку в поддерживающем жесте.

– Арья?

– Да? – опять тихо и буднично.

– Вы на Астарте. Земля, полностью техногенный мир, от нас очень далеко. Астарта же мир техно—магический. И вы

попали сюда через разлом в пространстве. Вас просто выплюнуло. Вы были изломаны и почти мертвы. Понять бы теперь как, ведь их, разломы, очень давно никто не открывал... – Сильно задумался мужчина и запустил руку в волосы, поправляя и так идеальную укладку.

Я лежала, слушала его и лениво шевелила оставшимися извилинами, совершенно не паникуя и не понимая, что за нафиг происходит и зачем я тут.

Все, прочитанные про попаданок, книги так или иначе были про Божественный замысел. Но себя я не видела мессией и спасительницей. Меня радовало в данной ситуации только одно! Главное, что г... Антона рядом нет и уже слава Богу!

– Простите, а как Вас зовут? – крайне медленно моргнув, решила я сменить тему, чтоб мозги окончательно не сплывались. Перевела взгляд с укрытых простынёй коленей на лицо собеседника и уставилась на него в ожидании.

– А я, прекрасная, Ария, совершенно не стою Вашего внимания, – Чего? Видимо, на моём лице отразилось такое недоумение, что мужчина не удержался от смеха. Низкий, вибрирующий смех и яркая улыбка ошарашили меня еще больше, чем его напускная серьёзность.

– Но так не честно, Вы знаете, как меня зовут, а я даже не знаю, как могу к Вам обращаться, – грустно и обижено пробубнила я, отворачиваясь. – Даже не знаю, где я и кто я теперь... – почти шепотом добавив, сникая окончательно, – как мне дальше жить... ни денег, ни дома...

В повисшей тишине мне показалось, я услышала, как мои шестерни в голове зашкрипели и начали медленно двигаться, обрабатывая новую информацию.

Что я, вообще, умею? Я только училась на дизайнера, всего второй курс. Пара практик и две курсовые, никакого опыта. Живопись? Картины да, я пишу. Музыкальное образование есть, немного танцев. Отец к бизнесу не подпускал, да и я не лезла в него.

По сути, я бесполезная клякса на полотне этого мира. Что делать и куда идти после выписки из местного лазарета я не знаю. Я БОМЖ!

– Кто? – я опять вслух это сказала? Мужик в ступор от моих словечек впадает.

– БОМЖ, уважаемый, человек без определенного места жительства... – принялась пояснять я терминологию выданной аббревиатуры.

– С чего Вы решили, что Вы БОМЖ, Арья? – улыбнулся уголками губ этот грёбанный образец земного Божества.

Поджала губы и скорчила лицо «Мистера Бина», пытаюсь подобрать супер—культурные слова, чтоб описать всю степень недогадливости Аполлона.

– Потому что я – попаданка, и жить мне здесь, на Астарте, – я выделила с сарказмом, – нигде! Вот почему я – БОМЖ. – припечатала зло и насупилась, сдвинув брови и смотря на мужчину исподлобья.

А он, гад, только рассмеялся. И чего смешного, спрашивается?

– И всего-то? – продолжает смеяться и всхлипывать. Скривила улыбку, больше похожую на оскал – рада, что тебя это смешит, Дорогуша... – Так оставайтесь здесь, в моем особняке. Здесь места хватит. Комнаты Вам выделяют, Арья.

Что?

– Судя по той одежде, в которой мы Вас нашли, в своём мире Вы были состоятельной девушкой, отнюдь не низшего сословия. Я прав? – и что ему ответить?

Да, мы не были бедными, где-то там, в прошлом были какие-то дворяне. Но сейчас... А на самом деле, разозлилась я сама на себя, чего это я? Предлагает жить под его крышей – воспользуюсь. Не побираться же мне идти, в конце концов.

– Тогда решено, Вы остаётесь под моей защитой, милая девушка, – неужели на моем лице так явно было всё написано?

– Спасибо, – тихо прошептала, облегчённо выдыхая.

Засранец-мужчина, так и не назвавший себя и своего имени, хлопнув по коленям, встал и, направляясь к двери, добавил:

– Да, Арья. Выздоровливайте. Надеюсь, через три дня

смогу иметь удовольствие лицезреть Вас за завтраком в столовой? – он подмигнул и выходя за дверь, бросил:

– Буду ждать с нетерпением.

Дверь тихо закрылась, но шагов я не услышала. И что это было?

«Боженька? Ау...?»

Но на мой призыв или восклицание, как ни назови, никто не ответил. Три дня промчались как красноухая черепашка на мини-скейте. Все эти дни за мной ухаживала Кристин, очень милая, скромная и прелестная девушка.

Она работала в доме моего благодетеля и никак иначе, кроме как «Господин» моего спасителя не называла. И на мои расспросы о нём, его имени, этом доме, не отвечала, а лишь мило и смущенно улыбалась и по большей части предпочитала молча делать свою работу.

А я решила не наседать и уделить всё внимание себе любимой. Он зашёл всего раз за это время, спустя два дня, и буквально поздоровался, кивнул своим мыслям и ушёл. А

мы с Кристин так и остались, я сидеть перед зеркалом, а она стоя продолжила расчёсывать мои влажные после душа волосы.

Главной отдушиной стало то, что мир не сильно отличался от моего родного. По развитию, возможно, даже превосходил. Здесь были магимобили, магифоны, маговизоры и прочая «электронная» фигня, только работало всё это на магической энергии и кристаллических батарейках, что заряжались от центрального кристалла дома. А уж как этот центр-кристалл заряжался Кристин не смогла мне объяснить.

Лекарства и медицина здесь тоже была на уровне техно-магической фантастики. Для меня.

Я оценила с величайшим наслаждением уходовую косметику, которая появилась в комнате на второй день после первого визита мужчины. Утром на пороге стояла огромная корзина всевозможных масок, кремов и лосьонов. А декоративной косметики было чуть меньше во второй корзине, но её разнообразие уверило меня, что мне здесь, в этом мире, понравится.

Мне выделили небольшой магифон, в котором был доступ к местному аналогу нашего интернета и в котором я копалась всё свободное от лечения и реабилитации время.

Оттуда же я узнала, что на Астарте идёт десять тысяч трехсотый год от великого драконьего исхода. Что ранее в этом мире магии было ещё больше, и жили тут всякие разные расы, в том числе и драконы, дроу, эльфы и оборотни. Но

однажды драконам что-то в голову стукнуло, и они открыли портал, и все друженько свалили. А куда, не знает никто.

Сейчас на Астарте уже осталось всего три полноценных народа, которые занимали три континента: Варг, бывший континент драконов – заняли оборотни, Респель – тёмное царство дроу, окружённое с трёх сторон горами и лесами, и Аминель – озёрный край утончённых, но очень суровых эльфов.

А меня угораздило попасть на неполноценный континент, Амарок, где жили полукровки, отщепенцы и, как ни странно, люди, которые нет—нет, да появлялись в Астарте.

Однако, никто не жаловался на неполноценность, ведь климат Амарока был схож с нашими земными субтропиками и средней полосой. То есть, зимы были мягкими, лето жарким, комары офигевшими, а люди загоревшими.

Власть на Астарте была монаршей, передавалась по наследству, преимущественно. Если никто не решал взять власть силой и не убивал действующих королей, чтоб место своей хитрой жопоньке освободить на троне. Да, и такое в истории этого мира было.

Читала географию, историю, замахнулась даже на святое, религию. Однако не поняла ровным счётом ничего, слишком большой пантеон богов был у этого мира, да ещё и кто кому каким племянником и шурином приходился я так и не поняла. Что-то наподобие наших греческих, римских, и иже с ними, богов.

Насчет своего благодетеля и таинственного синеглазого красавца я так ничего нарыть и не смогла. Кроме того, что по картам, поместье, в котором я припарковалась, находилось на севере страны и от нас рукой было подать до границ трех «полноценных» стран-континентов, отделённых от нас извилистой рекой. Переплыви реку, и ты в Варге, Респеле или Аминеле.

Будет желание, сплаваю, погуляю по землям чужестранным. Пока читала и мечтала о будущем, бывало, заходилась беззвучным смехом, а иногда и хрюканьем, от которого моя Кристин начинала округлять глаза и тихо шептать какие-то молитвы.

Было весело.

Жаль, что мало. И мой мини-отпуск закончился.

– Доброе утро? – скорее прозвучало как вопрос, чем как приветствие. Мужчина сидел за столом в небольшой, но светлой столовой. Стол не сильно большой, персон на шесть. Он намазывал тост маслом и вот так, держа тост и нож в руках, ими же, указал мне на место справа от себя.

– Доброе, спасибо, – замерла в дверях не зная, то ли подойти и сесть, то ли стоять и дальше пялиться на мужчину в

его домашнем костюме кофейного цвета. Шикарный.

– Арья, я не кусаюсь. Тосты тоже. Проходите и давайте позавтракаем, – спокойно произнёс он, а я покраснела до кончиков волос.

Хоть и была одета в легкое летнее платье без корсета, от его взгляда бросило в жар, а мысли потекли совсем не в то русло. Господи, о чём я думаю?

Тихонечко присела на краешек стула и с прямой спиной, скрестила на коленях руки и не знала, как себя вообще вести. Что за странные приступы скромности? Никогда раньше не замечала за собой такого.

Мужчина замер, немного склонив голову набок и рассматривал меня с минуту, явно сдерживая смех, отчего я ещё больше смущалась и краснела.

Тяжело вздохнув, он отложил свои приборы, встал и зашел мне за спину. Взялся за спинку стула и пододвинул его ближе к столу, заставив меня невольно сесть глубже не сидение. Однако, когда с этим было закончено, руки его переместились на мои плечи, а у своего уха я услышала шёпот, запустивший толпу мурашек по коже.

– Арья. Я не кусаюсь. Но Ваша скромность и смущение будят во мне некоторые желания, с которыми я не могу сладить, – я и забыла, как дышать, пока он это говорил.

– Кофе остынет, пока Вы тут смущаетесь, – резко выпрямившись и садясь на свое место, говорит. А сам, намерено или нет, облизывает и прикусывает нижнюю губу.

Ты что, зараза распрекрасная, специально издеваешься? Бедное моё сердечко. Кивнула, приступая к еде. На столе помимо тостов с маслом и кофе, стояли ещё тарелки с мясной нарезкой, круассанами и сыром, и пиалочки с джемом. Вкусненько!

Решила, что надо позавтракать поплотнее, чтобы не урчало в животе. Никогда на плохой аппетит не жаловалась.

Пока была сосредоточена на еде, не замечала смешливого и нежного взгляда мужчины, но вдруг стало как—то неудобно и подняв глаза заметила, что Этот образец наивысшей самцовости сам не ест, а только с улыбкой смотрит на меня.

Растеряно, хлопнув глазами, слизнула с губ джем, и тяжело сглотнула ком в горле.

— Что-тоне так? — почему—то хриплым голосом поинтересовалась и пришлось прочистить горло.

— Мне нравится, что Вы не жеманничаете и аппетит что надо. А смущение, что я принял за игру, оказывается, настоящее, — рассуждал божественный мучитель глубоким бархатным голосом, растягивая слова и прожигая меня тёмным взглядом синих глаз.

— Вы не назовете мне своего имени? — решила перевести тему и попытаться вновь выяснить, у кого на шее сижу и еждевенничаю вот уже пять дней.

— А Вы не сдаётесь, да, Арья? — пытается опять всё перевести в шутку.

— Я первая задала вопрос, а Вы опять переводите стрел-

ки, – начинает раздражать, – Я даже не знаю, как к Вам обращаться?! Сэр, Мистер, Месьё? Как? «...» Господин? – я разошлась не на шутку, раздражение вскипало. В основном, на себя, что под его обаяние попадаю, а он этим пользуется.

– Габрион эль Закариас, Арья. Мое имя Габрион, – совершенно не впечатлился моей тирадой этот Аполлон, – можно добавлять «сир» или «сира» при обращении к высокородным сирам. К низкородным обращаются только по имени... – проводил Габрион мне ликбез по местным обращениям к людям и нелюдям.

– Габрион, Габри... – тихо попробовала произнести имя, чтобы приноровиться к произношению.

Услышала, как осёкся мужчина, выронив кофейную ложечку, брякнув о чашку, и втянул сквозь зубы воздух и желваки заходили на щеках.

– Я что-то не так сделала? – испугалась и решила уточнить.

– Просто... непривычно. Что кто-то произнёс моё имя ТАК, Арья, – хитро подмигнул красавчик.

– Габрион, – постучав в дверь кабинета, приоткрыла небольшую щёлочку, чтобы просунуть голову, – Габрион, ты

тут?

– Заходи, Арья, что случилось? – пригласил он и поднялся из-за стола, отложив стопку бумаг, которые читал до моего вторжения.

Улыбнувшись, заползла в кабинет, хитро прищурившись. И напрямиком направилась к мягкому дивану, который очень полюбила за последний месяц, что провела в доме Габриона.

О неловкости в обществе мужчины я забыла уже на следующий день после того, как он привел меня в свой кабинет и дал вольную на пользование его библиотекой и магипьютером. Долго я смеялась над названием и когда услышала ответные смешки, поняла, что мне бесконечно повезло с опекуном.

Габрион предложил попробовать поступить в Академию Приграничья, которая располагалась недалеко от нашего поместья и стояла на стыке четырёх стран, но ни одной из них не подчинялась. Этакая академия—Монако в Астарте.

Сам Габрион был там деканом боевого факультета, воспитывая защитников, воинов, магически одаренных стражей и паладинов для службы в элитных войсках, при королях и для защиты границ. И не важно из какой страны были адепты, у всех был шанс на учебу, выпуск и равноправие.

Только от кого защищаться надо было, не понятно, ведь никто ни с кем не воевал. Престиж? Да, пожалуй.

Остальные три факультета возглавляли представители дроу, эльфов и оборотней. И только этот восхитительный об-

разчик мужской половины население был адской мешаниной всех рас. Даже драконы где-то мимо пробежали давно, по его словам.

Мы много беседовали, Габрион пытался раскрыть мой отсутствующий магический потенциал, хотя бы намёк на него. Искал информацию о случаях попадантства и натаскивал меня для испытаний, вступительных экзаменов.

Он стал мне близким другом, практически отцом. Только мысли у меня иногда в его сторону далеко не дочерние прорывались.

Вот и сейчас, сидя на мягком диване, я думала не о том, что пришла похвастаться, что мои тренировки дали результат и я смогла выдать щелчком пальцев искорку огня, а о том, как бы поцеловала его. Как дочь отца – в щёчку, или как очень благодарная девушка очень красивого мужчину, от которого ноги подкашивались.

Габрион очень красив. Хотя за этот месяц я видела лишь его и Кристин, и сравнить было не с чем, но его точёный мужественный профиль... Чувственные губы, прямой нос, чёрные брови вразлет, глубокие синие глаза, до черноты. Чёрные, воронова крыла, выющиеся волосы до плеч. Выше меня на три головы. Да я ему едва доставала до груди, что называется дышала в пупок.

А в какой восторг меня приводили его длинные пальцы, скульптурные руки. Ну, точно, Аполлон! Папуля, Папик? Ха-ха, снова мысли не туда повернули.

Знаю, что ректор Академии менталист, и, если поступлю туда, надо будет сильно постараться держать при себе свои мысли.

Подняла в очередной раз взгляд на Габриона и поняла, что всё это время я просто мечтала и мы сидим и молчим вот уже почти десять минут. А он смотрит на меня и ждёт ответа на вопрос, подложив руку под голову и облокотившись на спинку дивана. На губах играет лукавая улыбка, будто он слышал все мысли, что я о нём тут думала.

Надеюсь, не слышал.

– Кхм, – прочистила горло, заливаясь краской смущения, – У меня получилось, Габрион, получилось зажечь искру! – теряя дыхание и сбиваясь, я выдала радостно.

– Покажи, – придвинувшись чуть ближе, взял мои руки в свои, и я опять залилась краской.

Судорожно вздохнув, закрыла глаза. Вдох—выдох, вдох—выдох. Вижу, как из солнечного сплетения просыпается маленький комочек алого огонька и потихоньку плывет по рукам к кончикам пальцев.

Щелчок.

Искорка в этот раз не гаснет, и я удерживаю её между большим и указательным пальцами.

Смотрю на неё затаив дыхание и радостно поднимаю глаза на мужчину, – у меня получилось, – шепчу и слёзы радости собираются в уголках глаз.

– Да, теперь будет проще поступить, – заключает он и улы-

бается. – У нас ещё есть два месяца, чтобы понять размер твоего резерва и немного развить умения.

Опустив руку, убрала огонек и повернулась ко вставшему на ноги уже серьёзному декану боёвки.

– Арья, надо увеличить интенсивность тренировок и, думаю, пора приглашать к нам клирика, – быстро проговаривает Габрион, – нужно зарегистрировать тебя, как гражданку Амарока.

– Но я же иномирянка, как это сделать? – задаю вопрос, так как не понимаю, как меня будут регистрировать. – Что... Какую историю моего внезапного появления выдадим?

Габрион задумался, отошел к окну и стоя спиной выдал то, к чему я была не готова.

6.

– Ты станешь моей женой, – выпалил, ошарашив меня, а затем быстро добавил – фиктивно, конечно же. Арьей эль Закариас. Моей истинной, которую от меня прятали и не регистрировали твои родители, человеческие отщепенцы. Прятали в глуши, накладывая блокиратор. Но когда они умерли, защита родителей спала, и я тебя нашёл, – быстро проговорил и повернулся, считывая мою реакцию, мужчина.

– А как я буду учиться? – решила спросить и прояснить, – и где я буду жить? Преподаватели, прости, магистры и студенты, как их? адепты, не будут ко мне предвзяты? – заки-

дала вопросами моего наречённого.

Улыбнувшись, и выдохнув, Габрион подошёл обратно к дивану и присел передо мной на корточки, взяв мои руки в свои ладони. Опять. Так и норовит прикоснуться. И ладно бы мне это не нравилось.

Глаза в глаза, одной рукой заправил прядки за ухо, видимо собираясь с духом.

– Никто не посмеет тебе навредить или насмехаться, поверь, – и мне действительно хотелось поверить ему и ещё чтобы этот момент не кончился.

– Может, лучше, зарегистрировать меня как твою внебрачную дочь? – решила попробовать с этого конца.

– Нет! – А чего так категорично то? Даже встал резко и отшатнулся, будто я его ударила наотмашь. – Нет, – уже спокойнее.

– Ладно, как скажешь. Это твой мир, ты знаешь, как лучше, – пошла на мировую.

– Теперь это и твой мир, Арья, – потеряв лицо одной ладонью, будто безмерно устал, он опустил в рабочее кресло и нахмурился, думая о чём—то своем. А я затихла как мышка.

Решила не отсвечивать и медленно уползти из кабинета, пока его владелец сильно задумчивый и, похоже, забыл о моем существовании. Поднялась и на цыпочках проскользила на выход.

– Ты обедала? – Догнал вопрос у двери, заставивший под-

прыгнуть от неожиданности. Шумно выдохнула и обернулась.

– Ещё не обедала, тебя ждала, – тихо, прикусив губу проямлила. А у самой появилось уже забытое ощущение неловкости. Дыхание прерывалось, в груди было ощущение тревоги и неясности. Будто я теряю что-то важное и чего—то не вижу, не понимаю и этим обижаю Габриона.

– Я... – он отвел глаза, чего прежде я не замечала за ним, – Обедай без меня. У меня ещё дела, – окончательно выгоняя меня, произнес мой суровый Бог.

Что же я упускаю? Почему его настроение вдруг так резко изменилось?

Пожав плечами, выскользнула за дверь, прикрыв её и прижалась спиной к гладкой поверхности, переводя дыхание.

– Ладно, разберёмся, – решительно оторвалась от двери и пошла на поиски моей, теперь уже подруги, Кристин.

6.1.

Габрион.

И как ей объяснить, что при всём желании, не смогу зарегистрировать её как дочь, сестру, или родственницу?

Когда нашёл её, всю изломанную на поляне у реки, где любил спрятаться от всего и подумать в тишине, прошибло током всё тело.

Учуял запах, и больше не существовало ничего вокруг, весь мир сузился до одного существа, сломанного, разбитого, едва дышащего.

Осознание, что встретил свою пару, сдавило виски, ударило под дых. А понимание, что тело девушки едва цепляется за жизнь и через мгновение могу потерять то, что и не надеялся никогда обрести, заставило действовать быстро и решительно.

Свой дар телепорта не использовал вот уже несколько сотен лет, дар, доставшийся от прадеда—дракона с каплей драконьей крови. Никто не знал о его наличии.

Я жил обособлено, в моё поместье редко кто заезжал и слуг у меня было всего пара горничных, кухарка, да дворецкий. Весь учебный год я жил на территории Академии Приграничья, а три месяца отпуска проводил затворником.

Пришлось вызвать лекаря. Девушка была очень плоха и готовилась отправиться за грань.

Сутки лекарь колдовал над ней, вливал настойки, зелья, прикладывал сканеры, втыкал иглы и тихо бубня под нос что-то о безмозглой молодежи, продолжал вытягивать мою пару из небытия.

Моя. Пара.

Удивительно. Никогда бы не подумал, что на семисотом году жизни встречу её. Ощущения нереальные и пугающие. Будто без неё я – больше не я. Но разве так должно быть? Что это? Магическая привязка или судьба?

Мысли роились в голове, и я пытался заглушить этот ор разных вопросов выпивкой. Ни хрена не выходило. Решил по магифону просмотреть новости о пропавших аристокра-

тах, вдруг где-то пропала девушка. Светская хроника, полицейские новостные ленты – пусто. Грабежи, свадьбы, мошенники, певички и скандалы с ними... Ничего, что могло бы помочь.

Лекарь только минут десять как вышел из комнаты девушки и неутешительно покачал головой, тяжело вздохнув.

– Все так плохо? – не скрывая беспокойства, задал вопрос.

– Все в Её руках, – поднял он глаза к потолку, намекая на божественную силу, имя которой было Верховная Ата. Так же бубня под нос, что он хоть и маг, лекарь, но не всесильный, удалился.

Горло перехватило спазмом. Я не могу её потерять. Не так.

– Госпожа очнулась, Госпожа очнулась! Лекаря!

От крика, приставленной к девчонке горничной, Кристин, подорвался как ошпаренный. И бегом полетел на второй этаж в комнату к девочке. Очнулась!

Когда распахнул дверь, увидел, как Она тянется к тумбе, едва держа руку навесу, не оставляя попыток добраться до воды. Так и застыл на пороге.

Но реакция самой девочки на моё появление была немного нестандартной, она приоткрыла свой хорошенький ротик, пару раз моргнула и крякнула.

– Налей госпоже воды, – не оборачиваясь, дал команду горничной и она, подпрыгнув на месте, сразу засуежилась.

– Да, Господин. Конечно, Господин, – лепетала она, нали-

вая воды в стакан и поднося его девушке.

Она накинулась на воду так жадно, что подавилась и зашла в кашле. И сквозь кашель и попытки вдохнуть выдала.

– Кузьмич, похлопай, – кашляя и задыхаясь.

Не знаю, кто такой Казьмич, но решил, раз просит, надо похлопать, – спасибо, Кузьмич...

Она что, пытается шутить? Запоздало пришла мысль, что девушка очнулась, а значит, я обрел пару! И. ОНА. ЖИВА!

Мы с Кристин в две пары глаз смотрели на девушку, и я видел, как она пытается сквозь боль и кашель сдерживать накатывающие смешки.

– Спасибо, что не дали умереть и спасли меня, – прошептала маленькая на грани слышимости.

– Не знаю, кто такой, Казьмич, но – Пожалуйста, – произнёс и прошёл в комнату, направляясь к окну, – я открою шторы, темновато здесь, не находите? – что я несу? Конечно, тут темно...

– Можешь быть свободна, – повернувшись в сторону читающей и хлопочущей Кристин, коротко дал указание.

Девчушка резво присела в подобии реверанса и скоро удалась, прикрыв за собою дверь. Всегда нравились понятливые, тихие и расторопные работники. А Кристин в этом не было равных. Надо поднять ей жалование и приставить её к моей паре.

Обернулся и посмотрел на кровать, девушка всё так же лежала, видно было, что ей неудобно и она сильно напугана.

– А теперь, поговорим. Кто Вы и как здесь оказались? – придвинул к изголовью кровати стул и присел на него, закинув ногу на ногу и задумчиво разглядывая богиню, что лежала передо мной. Господи, что я несу и почему это прозвучало так грубо?

Кажется, напугал её. И так была бледная, а стала одного цвета с полотном простыни.

– Вы не поможете? Мне не удобно разговаривать лёжа, – она попыталась встать и подтянуть подушку повыше, но ничего не вышло. Судорожно вздохнул и поднялся, чтобы помочь ей. Как мог аккуратно приподнял невесомое тельце, взбил подушку и подложил ей под спину, подтянув аккуратно её повыше, словно ребёнка.

– Так хорошо? – уточнил, с тревогой заглядывая в лицо, поморщившейся девушке.

– Да, спасибо, – кивнула, явно смущаясь. «– Какой же он красивый», – произнесла она тихо.

– Спасибо, Вы тоже красавица, каких поискать, – опешил я и понял, что девочка произнесла свои мысли вслух.

– Я, что, это вслух сказала? – подняла она на меня свои глазщи, невероятные.

Я пропал...

6.2.

Габрион.

– Да, и это тоже, – скрыть улыбку у меня не получилось.

– Ладно, давайте для начала всё же познакомимся. Вы

первая, – снова улыбнувшись, вернулся к разговору, усаживаясь обратно на стул и стараясь не пялиться на смущённую девушку.

Она задумалась на некоторое время и ушла в себя, нахмурившись и, видимо, решая, с чего начать.

– Меня зовут Арья. И, кажется, я умерла, – наконец, произнесла тихо, на грани слышимости. Арья. Красивое имя. Как и его обладательница.

В голове немного не укладывалось то, что она сказала дальше. Не умершие же я поднял, в конце концов. Я отчетливо слышал её пульс, дыхание. Некромантов у нас давно не рождалось и практики их давно забыты.

– Как Вы могли умереть, если сейчас находитесь здесь? – решил внести ясность и послушать, что скажет девушка.

– Меня... машина сбила... – спокойно, совершенно безэмоционально поведала Арья.

Я слышал о машинах, но на уровне сказок и домыслов в разговорах о чужих мирах и при упоминании залётных человечков на Астарту. Решил уточнить, чтобы понимать в каком ключе вообще вести разговор с малышкой.

– Машина? Здесь? На Астарте? Магмобиль, Вы имеете в виду? – выделяя каждое слово, стараюсь спокойно говорить, не давить на неё.

– Нет, машина, автомобиль. На Земле. – так же спокойно выдаёт она. Я был прав. Она переселенец. Но как?

Порталов никто, кроме меня, не умеет открывать. А что-

бы это сделать нужна концентрация или божественное провидение.

– Арья? А вы знаете, что мы не на Земле? – беру себя в руки и продолжаю говорить с, как мне кажется, доброжелательностью. Только видимо получается не очень. Девочка хмурится и бубнит себе под нос.

– Догадываюсь... я надеялась, что умру бесповоротно... – от последних тихих слов меня прошиб озноб. Она хотела умереть! Она сама причинила себе все те увечья? Но почему?

– Что? Почему? – не смог сдержать восклицания, чем явно, напугал и заинтересовал моё сердечко.

– Были... причины... желать этого, – делая многозначительные паузы, всё же продолжает рассказ. – И я помню, как больно мне было, помню удар и что меня пытались спасти, но я просила Боженьку не дать им это сделать... – Какой ужас она рассказывает, их Бог услышал её и не дал спасти её в том мире, а перенёс к нам? Но зачем?

Решил всё же уточнить, момент с Богом, ведь, судя по всему, я был прав и без Их вмешательства не обошлось. Понимаю, что нужно помочь Арье принять неизбежное и отсечь всё лишнее, потому стараюсь как можно мягче проговорить следующие слова, накрывая ладонью её маленькую ручку в поддерживающем жесте.

– Арья? – подняла на меня взгляд с наших рук. Глаза в глаза.

– Да? – очень тихо отвечает, почти шёпотом.
– Вы на Астарте...

6.3.

Габрион.

Старался не давить на Арию весь месяц. Дал ей добро на использование библиотеки, магипьютера, рассказывал о мироустройстве. Сколько времени провели в кабинете за беседами и рассказами. В основном она делилась своей жизнью. Я же впитывал её образ, стараясь держать себя в руках, что давалось крайне тяжело и натужно.

Решили, что надо развивать дар, который, я чувствовал, что есть. Она же отнекивалась, ссылаясь на то, что не чувствует в себе магии. Заставлял её медитировать и дышать.

Сегодня утром прибежала ко мне радостная показать, что магия проснулась. Пусть, всего лишь искорка, но как быстро она разгорелась в огонёк.

Осталось проверить резерв и начать более углубленные тренировки. До поступления в Академию Приграничья всего два месяца. Надо успеть натаскать её для вступительных испытаний.

А прежде, чем подавать документы на поступление надо привести их в порядок и оформить её под своей фамилией. Только вот если представить её как родственницу, набегит толпа ухажеров.

А меня от одной мысли начинает трясти как припадочного. Я просто разорву всех этих сопляков и не сопляков. Озвучил ей самую безобидную версию и как же меня разозлил её вопрос...

– *Может, лучше, зарегистрировать меня как твою внебрачную дочь?* – и так еще невинно хлопает своими потрясающими глазищами. Зараза. Моя!

– НЕТ! – Ответил слишком резко, аж дернулась, и вся сникла. Прости, малыш.

Возможно, обиделась. Ушла обедать, я же остался думать, как дать ей то, чего она заслуживает, обеспечить её безопасность и оградить одновременно от всех двуногих и не очень бед.

7.

Разговор с Габрионом закончился на очень токсичной ноте. И, подозреваю, он на меня сильно обиделся или, и того хуже, разозлился. Только я не могу понять, почему.

Почему он отреагировал настолько категорично, закрылся в себе и практически выгнал меня из кабинета. Задаваться всеми этими вопросами совершенно не хотелось.

Отчасти я понимала, почему он хочет зарегистрировать меня не как свою родственницу. Пытается защитить, скорее

всего. Подозреваю, что при поступлении в Академию мне предстоит столкнуться с ухаживаниями многих мужчин вокруг. И не все они будут приятными или вообще желательными.

Но почему именно жена? Первое время я не могла понять, но перебирая все возможные роли, пришла к выводу, что да, фиктивная жена – лучшее, что он может мне предложить. Сестра, кузина, дальняя родственница... Всё не то. Дочь? Три «ха—ха» два раза!

Не знаю, какая продолжительность жизни у полукровок в этом мире, но даже для оборотня Габрион выглядел слишком молодо. Максимум на тридцать шесть лет, по моим ощущениям. Да и по словам Кристин он не был замечен в любовных связях.

Решила не обижаться на вспыльчивость мужчины, и после обеда, ушла заниматься в библиотеке своим развитием. Попробовать потренировать свои навыки в контакте с моей маленькой искоркой и разжечь огонёк. Возможно, получится ещё что-нибудь сделать.

Габрион сказал, что нужно изучить мой резерв, его объёмы, глубину и попробовать его расширить, если он недостаточно велик для полноценного функционирования дара и попробовать развить мои способности и саму магию, чем я и собиралась заняться в ближайшее время.

Пару раз помедитировала, пыталась повторять про себя мантру «ОМ», считала листочки, овечек, но все мысли воз-

вращались к Нему и его насупленным бровям и тяжелому взгляду.

Что ж, походу придётся дистанцироваться от моего супер-красавчика. И уделить всё свое время только учёбе и тренировкам. Очень сильно постараюсь больше не флиртовать, не улыбаться, не обнимать.

– Не смеяться... и в кабинет не вламываться, – блин, намного проще себе это мысленно пообещать, чем воплотить в жизнь.

Потому что каждое его появление перед моими глазами ознаменовывалось шествием табуна мурашек вдоль позвоночника и моим полным отключением от реальности. Я просто зависала минуты на две и впитывала в себя образ, ставший родным.

Спустя неделю Габрион занялся оформлением нужных документов и практически всё время отсутствовал в поместье. А я была предоставлена сама себе, но с жёстким списком необходимых тренировок и всяких разных книг, литературы и дыхательных практик.

Читала с утра до вечера, тренировалась. Периодически совершала набеги на столовую и кабинет мужчины, чтобы набрать вкусняшек и зависнуть в магипьютере. Надо же и расслабляться?

Похоже, Габрион собирался только ночевать в поместье и

сам старался избегать меня. Что ж, это даже хорошо, однако, сильно меня расстраивало. Ненадолго, правда.

Спустя время, когда документы были готовы, собственно, как и я была готова к более усердным тренировкам и испытаниям, Габрион вызвал учителей, которые по расписанию приезжали в поместье и проводили надо мной тесты, затем (м)учили меня, и показывали, как расширить свой, как оказалось, довольно пластичный резерв.

Для всех, по легенде, я была его Парой (пафосно до ужаса), Истинной (что это значит, никто так и не сказал), которую скрыли ото всех мои придуманные псевдо—родители, не желая, чтобы я становилась магом. Они, будучи сами полукровками и отщепенцами, не терпящими магов, поняли, что родили одарённого ребенка и блокировали мою магию всячески, амулетами, зельями и ныкали меня по углам в глуши.

Смешно, но, как ни странно, все в это верили... Удрученно качали головой и сильно мне сочувствовали.

7.1.

Одним из таких учителей был молодой Дроу по имени Ильтас, довольно—таки симпатичный, но сурового вида мужчина с короткой стрижкой, длинными заостренными ушами, проникновенными тёмно-фиолетовыми глазами, кожей цвета чернённого серебра

Ничего особенного, если честно, на меня он впечатления особого не произвёл. Как я думала, что буду в восторге, когда Габрион предупредил о начале занятий с дроу.

С ним было комфортно, он не наседали, не кричал, не ругался, голоса не повышал вообще и объяснял всё чётко, сдержанно. Направлял мои мысли, потоки, одним словом, помогал мне расширить мой магический резерв и заглянуть в глубины себя.

Благодаря этим незатейливым и ненапряжным тренировкам удалось вырастить мою маленькую искорку до размера теннисного мячика сначала, затем футбольного, по моим собственным ощущениям.

И, если честно, занятия с ним мне очень нравились своим пофигизмом. Мой домашний резервный магистр почти постоянно глазами и вниманием был в своем магифоне, лазая по сети и просматривая фотографии молодых ледёй, блистающих на балах и приемах столицы. При этом умудрялся рассказывать мне о моде параллельно с тем, как я пыталась сосредоточиться, а он со своей стороны пытался меня рассредоточить, отвлечь и заставить сбиться.

Однако, было периодами сложновато концентрироваться и не сжечь диван или самого Ильтаса, когда он выдавал новые подробности очередной интрижки или выкрутаса золотой молодежи столицы. Я удерживала в руках магические

огоньки, зажигала искорки, поджигала свечи, затем их тушила, затем опять поджигала... буквально, и снова тушила.

Грустно было только оттого, что моё проживание в поместье выглядело больше, как затворничество. Не знаю, вообще, как бедный Габрион живёт здесь один, но мне кажется, что он слишком—слишком сильно интроверт. Просто отшельник на минималках.

И я не знаю, как мы могли бы сойтись с ним, ведь я никогда не отличалась склонностью к затворничеству, и поэтому вынужденное проживание в таком режиме уже сильно давило на моё психическое состояние. Буквально, я умирала от скуки и апатии, несмотря на сильную загруженность по учёбе.

И с каким же нетерпением я ждала поступления в Академию Приграничья, не передать словами. Доходило до того, что порой не могла уснуть, ворочалась ночами, думала о всяких глупостях: как же поступлю туда, где и, главное, как буду жить, как буду учиться, примут ли меня сокурсники, как отнесутся ко мне профессора, особенно если и когда узнают о том, что я жена, пусть и фиктивная, декану боёвки.

7.2

Время неумолимо шло вперед и подходило к моменту моего поступления. Все документы для этого уже были готовы. Даже брачный договор был составлен и подписан двумя сто-

ронами, как назвал нас клирик Ронан.

Габрион, при подписании, был смущён не меньше меня. Было забавно видеть, как он краснел, когда Ронан указывал ему места, где нужно поставить автограф и пару раз мужчина едва не расписался в моих графах.

Я же просто свою загогулину подмахнула, не глядя, памятуя о том, что меня же всё-таки обидели, не помню, правда, чем. Но на всякий, сохраняя вид оскорбленной невинности, развернулась и вышла из кабинета, не попрощавшись ни с кем.

На обеды и ужины я не спускалась принципиально, а завтраки благополучно проводила не в столовой, а на кухне с Кристин.

Поэтому, в большинстве своём, в те два месяца, что прошли с нашего последнего сильно эмоционального разговора, мы особо и не пересекались с Габрионом.

И вот сейчас я лежу в кровати, сильно уставшая, но абсолютно не засыпающая, и в очередной раз думаю, как же я поступлю, какими будут вступительные испытания, смогу ли я их пройти с достоинством, чтобы не опозорить «мужа» и себя заодно. На какой факультет меня распределят, на тот, что выберу сама или... поступлю ли я на факультет менталистов и врачей, или на факультет боевых искусств, к которому предрасполагает моя огненная магия, не знаю.

Нагнетало обстановку бессонную ещё и то, что экзамен первый уже через пять дней, если я верно поняла. Нервы

зашкаливают. Настойки, которыми снабжает меня Кристина, уже не успокаивают, а как в том анекдоте: и цвет, и запах бесит.

Ворочалась, ворочалась с боку на бок, так не удобно, и так жарко, и подушка жесткая, и одеяло какое-то не мягкое... В итоге решила, что раз сегодня я уже не усну, можно бы спуститься вниз, в кухню и полазить по закромам, утащить пару вкусняшек и потом зайти в библиотеку, пообниматься с любимым фолиантом об истории драконов.

Сказано, сделано.

Накинула на свой любимый, прозрачный провокационный, пеньюар розового цвета шелковый халатик, небрежно запахнула полы, завязала пояс и потихонечку, как мышка, выскользнула из комнаты.

В коридоре оглянулась по сторонам. И на цыпочках, высунув язык от концентрации, с нахмуренными бровями, пытаясь не скрипнуть ни одной половицей, двинулась в сторону первого чек—поинта. Кухня!

Решила, не будить ни Кристина, ни других «отсутствующих» обитателей дома. Спустилась по лестнице, приблизившись к тёмной двери кухни, решила, что не буду зажигать свет, ни магический, ни «обычный».

Тихо зайти не получилось, дверь скрипнула, и я втянула голову в плечи, тихо матюгнувшись. Пока шла в темноте, треснулась мизинчиком о ножку стула, попрыгала на второй ноге, матерясь шепотом, чтобы не разбудить никого из слуг.

Да и пофиг, что при этом уронила пару мисок, споткнулась о ведро, и снесла швабру, которая меня никак не трогала.

– Ах, ты ж... Твою ж сдобу... Как меня переполняют эмоции, – тихо шипя, держалась за ногу и пыталась успокоить ревуший мизинчик.

Так, мы пришли сюда за вкусняшками. Вспомнила, что утром видела в холодильной камере штучек пять вкуснящих профитролей и вот сейчас очень—очень захотелось их съесть. Но фигура... А, хрен с ней, пара лишних граммов придадут моей попе шарма, а характеру мягкости.

Достала из холодильника вожделенные профитрольки и уже поворачивалась к столу, чтобы поставить тарелку со вкусняшками и потянулась к чайнику, как увидела темный силуэт напротив, за столом.

Силуэт, который лишь отблесками в моргнувших глазах показал, что он живой.

– Мать твою... – прошептала, пугаясь и подпрыгивая от страха, отпустила ручку поднятого чайника. И тот с грохотом приземлился на столешницу, плюхая в меня кипяточку – бл... напугал!

Кто бы это мог быть в такой час, на кухне? Конечно, мой спаситель, собственной персоной. И чой-то ты там попиваешь, а? Голову подняла ехидная я, а ответила испуганная и смущенная.

– Ох, я не знала, что ты здесь. То есть, что ты так поздно... будешь здесь, – начала тараторить и сбиваться то на шепот,

то на скрип, – Не хотела тебя будить, – Господи, что я несу, он же и не спит...

– Прости, я сейчас всё уберу и уйду спать, не хотел тебя пугать. – Чего? Куда собрался?

– Я не испугалась, то есть... не сильно... в смысле, не уходи. – Залилась краской и порадовалась, что здесь темно, хоть глаз выколи.

– Мне остаться? – В голосе удивление, неужели он решил, что я выгоню его из его же собственной кухни?

Этот диалог, скорее всего, войдет в анналы истории среди неловких разговоров всего мира. Как говорится, можно попасть в анналы истории, но важно, чтобы история не коснулась вашего анала, иначе это будет занимательный рассказ.

Я уже собиралась убирать свои, добытые потом и кровью одного мизинца, вкусняшки, которые очень хотела съесть, когда мужчина встал и направился в мою сторону.

Он поставил на стол бокал, который держал в руках всё это время и тихо прошептал, останавливаясь в паре шагов от меня:

– Поговорим?

7.3.

– Ты хочешь поговорить со мной сейчас? – На грани слышимости прошептала я, потому что голос подвел меня. – И, о чём же?

– О нас, – тихо продолжил мой визави.

Мне приходилось задирать голову, ведь рост мужчины не уменьшился за время нашего тихого молчаливого противостояния, и моя шея потихоньку затекала, а голова начинала побаливать.

— Но разве есть какие-то мы? — Решила уточнить, склонив голову вбок и прищурившись, силясь рассмотреть хоть что —то, кроме очертаний в этой темноте, — Я... Это ведь всего лишь фиктивный брак, так?

— Не так, Арья, — продолжил Габрион спокойным тоном, — я всё объясню. Просто дай мне время.

— Но тогда о каких «нас» идёт речь? — Не совсем уловила я его посыл и не поняла, что он собрался мне объяснять, а потому решила прояснить всё здесь и сейчас, тем более что моего лица, надеюсь он не видел и я могу не напрягаться, что все мои мысли и чувства к нему будут как на ладони.

— Ты два месяца избегал меня, а я все два месяца избегала тебя, — начала перечислять, сбиваясь, а он стоял и смотрел, будто видел всё, что было у меня в голове, мысли путались и я несла какую—то ахинею. — Этот разговор настолько неловкий, что... Извини за тавтологию, но мне, правда, неловко.

Я уже собиралась развернуться и уйти, чёрт с ними, с профитролями, потом съем, или выкину, какая разница... Когда слышала вкрадчивое и грустное:

— Ари, не уходи, пожалуйста, — от такого сокращения моего имени, мурашки табуном устремились вниз по спине и обратно, подняв дыбом все волоски на коже, а дыхание пе-

рехватило, — Я не знаю, как все объяснить.

Мужчина запустил руку в шевелюру и растрепал свои длинные распущенные волосы, но как же идеально он их растрепал. Сейчас бы дотронуться до них, утонуть пальцами в их шелковистости... собрать в кулак и притянуть этого несносного красавца к себе и поцеловать его до умопомрачения идеальные губы.

Чёрт. Мысли опять унесли меня не туда.

— Просто чувствую, что... — продолжил тем временем Габрион, — Должен быть сейчас здесь, с тобой.

Что ты со мной делаешь, Дорогой?

— И не просто рядом, — гад, решил пытать меня, значит? Он играет со мной или я уже ничего не понимаю? Не может же быть такого, что я действительно ему нравлюсь? Или может?

А он тем временем сократил расстояние, между нами, до нескольких сантиметров, и я стояла, упершись в столешницу, а он почти касался меня своим идеальным телом.

— Позволишь мне? — Задал вопрос и поднял руки, ожидая, — Пожалуйста.

Кивок.

Одной рукой огладил мои волосы и заправил прядку за ухо. Другой рукой аккуратно приобнял за талию, придвинув к себе плотно. И я почувствовала, что не только я, здесь и сейчас, схожу с ума. А кое—что явно немалых размеров упирается мне в живот.

– Я не умею быть ласковым и нежным, – попробовал оправдаться мужчина, – я не умею разговаривать с женщинами, но ты... Прости, пожалуйста, если чем—то мог задеть тебя, Ари.

Он пригнулся, чтобы быть со мной на одном уровне, но я видела, как ему не удобно стоять в таком положении. Попыталась отстраниться, чтобы забраться и сесть на столешницу, когда Габрион подхватил меня и усадил на неё сам, и вот теперь наши глаза были на одном уровне, а он смог беспрепятственно вклиниться и встать ко мне вплотную, разведя мои ноги в стороны.

– Просто... – соблазнительный шепот, практически у самых губ, легкое невесомое касание, горячее дыхание, которое я боялась спугнуть и практически не дышала, – Ты нужна мне, Ари.

Тушите свет, выдёргивайте чеку... Потому что я теку!

– Но... – и тут Остапа понесло, – как я должна была понять, что нужна тебе, если... – меня распирало от негодования и я шипела яростной кошкой, – ты даже... не то, что не сказал. Ты даже не показал этого, ни словом, ни действием!?

– Позволь мне показать сейчас, – попросил, едва касаясь своими моих губ, улыбаясь кончиками губ, а глаза блестели в темноте. Так я скоро окосею.

– Габрион, ты пьян? – Решила уточнить, на всякий случай.

– Нет, я не пьян от вина, – фух, хорошо, значит он осоз... – но я пьян тобой, – выдохнул он, взяв моё лицо в ладони и

целуя нежно в кончик носа, затем щёки, веки. Он покрывал лицо невесомыми поцелуями, а я млела и хотела большего.

От его ласк пересохло во рту. Я не могла больше сопротивляться и сдалась в плен сладостной истомы. Волны тягучего удовольствия стали накрывать меня и поглощать, подталкивая к действиям, но я держалась из последних сил.

Я вся дрожала от одних только его прикосновений, нащупала рукой кран и повернула рукоятку, включая воду. Мужчина оторвался от своего занятия и заглянул в глаза, приподняв бровь. Да, темнота уже не такая густая, я вижу немного.

— Чтобы не... — Я не смогла объяснить зачем включила воду, потому просто пожала плечами. Дыхание участилось. Сердце гоняло кровь по венам всё быстрее и быстрее, смывая остатки адекватности.

Когда его губы накрыли мои, я уже не могла трезво мыслить. Это было настолько сладко и одновременно больно. Поцелуй разрастался и разрастался, становясь неистовым, перемежаясь с укусами и стонами. Я просто сгорала от желания и уже не знала, что делать и куда себя деть.

Отвечая на его поцелуй со всей сжигающей меня страстью, руками шарила по груди мужчины, пытаюсь отыскать те проклятые пуговицы, что не давали мне снять с него рубашку.

В какой—то момент я поняла, что мой халатик уже не завязан и не укрывает меня, а висит на моих локтях и сковывает движения. Потому, ненадолго оторвавшись от губ Габриона, судорожно скинула халат с рук, оставив его лежать

вокруг, а бретельки пеньюара потихонечку спустила с плеч. Глядя в глаза мужчине напротив, видя всю гамму красок его вожделения, сама еле держалась в сознании от нехватки воздуха.

Огладила легонько грудь и прикусила нижнюю губу, а сама чувствовала, что закипаю, чувствовала, как горят мои уши и щеки от смущения и как разбивается вдребезги мое терпение.

– Всевышний, я сойду с ума, – простонал эль Закариас, и накинулся на меня с новой силой, сдирая свою рубашку, отчего пуговицы разлетелись по кухне. Он целовал меня с таким напором, что на утро явно останутся синяки, шея, грудь, плечи...

Руки же его до боли сжимали мою талию, а внизу упиралось явное каменное желание, думая о котором, меня накрывало волной смущения и предвкушения.

В какой момент его пальцы проникли внутрь, я не помню. Но это было очень сладко и незабываемо. Я стонала ему в губы, прикусывая нижнюю и сражаясь своим языком с его.

Он двигал пальцами внутри и в ушах зашумело, я была близка к разрядке, уже готовая взорваться, когда мужчина придвинул меня на край столешницы, ближе к себе и, вынудив прогнуться в пояснице, одним неспешным движением вошел в меня, растягивая и выбивая вздох восторга.

– Ах, да... – стону, не в силах больше сдерживаться. О, Боже, как же это сладко.

Он, рвано выдохнув, начал двигаться. Сначала в медленном, тягучем темпе, доводя до исступления, то выходя почти полностью, то упираясь до самого конца. Сил сдерживать стоны не было, и я отдалась страсти полностью, наслаждаясь тугой наполненностью внутри и хриплыми вздохами мужчины.

В какой—то момент Габрион дёрнул меня на себя и вошёл с неистовой яростью, выбивая вскрик, а потом стал двигаться всё быстрее и жёстче, выбивая из меня более громкие стоны и всхлипы. Я цеплялась за его плечи пальцами и ногтями царапала кожу.

Пока он погружался в меня раз за разом, теряла связь с реальностью.

Шум воды... вздохи, стоны... толчки... О, да—а—а—а! Мои пальцы и его руки, крепко сжимающие мои бёдра и необузданное желание. Наши губы, дыхание в унисон.

Толчок... Еще один, еще и снова всхлип. Дыхания не хватает...

В глазах почернело, а ноги онемели. Поджав пальчики на ногах, я едва держалась, чтобы не сорваться на крик, закусив до крови губу.

Всё удовольствие в теле, которое стекалось в одну точку, резко собралось и взорвалось. И на долгие, бесконечно долгие секунды меня не стало.

Когда я открыла глаза, то обнаружила себя сидящей на столе, на кухне. А он обнимал меня нежно, всё так же оста-

ваясь внутри и подрагивал, изливаясь. Габрион гладил меня по спине, нежно целуя в висок.

– Моя Ария, – тихо прошептал и обнял ещё крепче. – Пойдём спать. Теперь я тебя никуда не отпущу.

Он поднял меня на руки и направился в свою спальню. Мысли неохотно возвращали меня в реальность. Когда бросила взгляд на кучки одежды, поняла, что завтра ни для кого из домашних не станет секретом, что произошло на кухне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.